

30. *Faber, P. Terminology and Specialized Language / P. Faber, C. I. López Rodríguez // A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language / ed. P. Faber. – Berlin ; Boston, 2012. – P. 9–31.*

The completed study of terminological material in three languages revealed phonetics-graphical, graphical, derivational, and syntactical variants of terms functioning in Reproductive Health (RH) terminology of the English, Russian and Belarusian languages. The variability in RH terminology reflects the incompleteness of RH terminology formation, which is quite natural for the emerging terminologies and terminological systems. Interlanguage quantitative and qualitative differences and peculiarities of terminological variability are mediated by typological features of the languages and the degree of RH terminology formation in each language under study.

Поступила в редакцию 03.01.2020

А. Н. Столярова

О ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ И СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОФРАЗЕМ

Частеречная классификация фразеологизмов рассматривается многими авторами, но в отношении неофразеологии данный вопрос изучен недостаточно, что обусловлено новизной материала. В статье описана методика соотнесения неофразем с частями речи, на основе которой выделена группа глагольных неофразем. Проявление в неофраземах категорий времени, лица, вида, наклонения проанализировано с опорой на иллюстративный материал, отобранный из современных СМИ. Изучена структурная организация неофразем, выявлены и охарактеризованы ее основные типы.

Фразеологизм – сложная единица, характеризующаяся двуплановостью: с одной стороны, это составная структура, состоящая из компонентов словного характера, с другой стороны, она является единым целым и уподобляется слову по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим особенностям. Это делает возможным соотнесение фразеологизма с частями речи. Разработкой данного вопроса на материале разных языков занимались многие лингвисты, среди которых Н.М. Шанский, А. В. Кунин, Н. Ф. Алефиренко, В. П. Жуков, Т. З. Черданцева, А. М. Чепасова, А. М. Эмирова, И. Я. Лепешев и др.

Исследователь Н. М. Шанский [1] предлагает при отнесении фразеологической единицы (ФЕ) к части речи учитывать характер стержневого компонента фразеологизма и его синтаксическую функцию. С учетом этого он выделяет 7 групп фразеологизмов: глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные и союзные. Ученый подчеркивает, что наличие у ФЕ присущих той или иной части речи форм зависит от степени семантической слитности фразеологизма: «наблюдается минимальная изменяемость во фразеологических сращениях и максимальная в сочетаниях и выражениях» [1, с. 54].

Филолог В. П. Жуков [2] считает необходимым учитывать 4 основных критерия: способ выражения грамматически господствующего компонента, синтаксическую функцию, семантические особенности и сочетательные способности фразеологизма. Он говорит о необходимости использования метода развернутых избыточных толкований, «с помощью которых определяется мера сближения фразеологизма с той или иной частью речи. При этом объяснительная часть подвергается тщательной лингвистической обработке» [Так же, с. 263]. Ученым выделяются следующие разряды: глагольные, наречные, субстантивные, адъективные, междометные, категории состояния и ФЕ, употребляющиеся в значении вводных слов и сочетаний. В. П. Жуков упоминает и о возможной категориальной полисемии, когда один и тот же фразеологизм может быть соотнесен с несколькими частями речи.

Существующие противоречия в частеречной классификации фразеологизмов (неодинаковое количество выделяемых классов, различные критерии классификации, невозможность классифицировать отдельные фразеологизмы, явление категориальной полисемии) приводят к тому, что не все исследователи признают данный подход. Так, например, А. М. Эмирова считает, что «традиционная классификация частей речи на материале фразеологии «не работает»: она не способна корректно и непротиворечиво верифицировать такой языковой материал» [3, с. 211]. Используя коммуникативно-прагматический подход, исследователь выделяет идентифицирующие, предикатные (признаковые) и собственно прагматические ФЕ. Однако, характеризуя данные классы, ученый так или иначе пользуется традиционной классификацией: к идентифицирующим, например, она относит субстантивные фразеологизмы, а к собственно прагматическим – модальные и междометные.

Что очевидно, вопрос о возможности соотнесения фразеологических единиц с частями речи на материале традиционной фразеологии является хорошо разработанным. Представляет интерес исследование новой фразеологии в данном направлении, в частности, нас интересуют глагольные неофраземы как наиболее морфологически подвижные.

Неофраземы как новые единицы, возникающие при памяти живущего поколения, характеризуются мотивированностью и выводимостью значения, поэтому мы рассматриваем объем неофразеологии в широком ее понимании и относим к ней единицы, обладающие следующими признаками: раздельнооформленность, номинативный характер, семантическая целостность и семантическая осложненность. При этом для наиболее полного охвата вновь возникающих единиц мы считаем возможным отнесение к неофразеологии сочетаний, не обладающих необходимым уровнем устойчивости и воспроизводимости, еще полностью не прошедших процесс фразеологизации. Такие единицы мы рассматриваем как явления фразеологической переходности.

Источником материала для исследования послужили публикации белорусских электронных СМИ – использовались ресурсы Издательского дома «Беларусь сегодня» (газеты «СБ. Беларусь сегодня», «Знамя юности», «Сельская газета», «Народная газета»), сайты tut.by (ТБ), onliner.by (ОБ).

Наша цель – выявить, описать и проанализировать характерные свойства глагольных неофразем. Для этого будем исходить из того, что основное значение глагола – действие, процесс, состояние; основные категориальные признаки – время, вид, наклонение, лицо; характерная функция в предложении – сказуемое, хотя инфинитив может быть любым членом предложения.

Рассмотрим проявление категориальных глагольных признаков неофраземы в предложении:

В этой ситуации только сильный мог остановить конфликт, найти компромисс, а не загонять стрелку тахометра в красную зону, доводя ситуацию до абсурда (ОБ, 24.05.2018).

Во-первых, неофразама имеет характерное для глаголов значение процессуальности ('доводить состояние дел до критического'). Во-вторых, ключевой грамматический компонент неофраземы «загонять» является глаголом и характеризуется свойственными данной части речи категориями. Следовательно, и вся неофразама как составная единица с целостным значением приобретает глагольные категории времени, наклонения, вида, лица и др. В приведенном примере неофразама употребляется в начальной форме, однако вполне возможно варьирование форм ее времени (*загоняю/загнал/загону стрелку тахометра в красную зону*), вида (*загонять/загнать стрелку тахометра в красную зону*), лица (*я загоняю/ты загоняешь/он загоняет* и т.д. *стрелку тахометра в красную зону*), рода (*он загнал/она загнала/оно загнало стрелку тахометра в красную зону*). Кроме изъявительного наклонения, неофразама может быть употреблена в форме повелительного (*Не загоняй стрелку тахометра в красную зону!*) или условного (*Он не загнал бы стрелку тахометра в красную зону, если бы смог сдержаться*) наклонений. В-третьих, синтаксическая функция неофраземы (часть составного глагольного сказуемого) также является типичной для глагола. Таким образом, по совокупности особенностей значения, грамматических и синтаксических функций представляется возможным говорить о соотношении неофраземы с глаголом.

Опираясь на описанные выше критерии, мы проанализировали новые фразеологические единицы русского языка из собственной картотеки. В результате было выявлено, что 36 % неофразем являются глагольными и по численности они уступают лишь неофразамам, соотносимым с существительными (58 %). Следует отметить, что в классической фразеологии, наоборот, глагольные фразеологизмы преобладают над субстантивными [4; 5; 6].

Подавляющее количество глагольных неофразем (86 %) описывают действия и процессы (*бить в рельс, есть кактус, открыть личико, очистить*

историю), в то время как лишь 17 % характеризуют разного рода состояния. «В категории глаголов основным значением, конечно, является только действие, а вовсе не состояние», – подтверждает Л. В. Щерба [7, с. 91].

Да, одна из причин – партнер не заинтересован в сохранении отношений. И он, возможно, уже **держит ногу в дверях** (ОБ, 18.05.2018) (состояние, описывающее готовность изменить сложившуюся ситуацию).

Свидетели не подтвердили ни одного факта, – сказал еще один его друг. – Человек **попал под волну** (ТБ, 15.02.2019) (оказался заложником обстоятельств).

Интересно, что в качестве свободных сочетаний данные фраземы (*держат ногу в дверях, попасть под волну*) обозначают действия, а в процессе метафоризации их денотативные семы деактуализируются, и на первый план выходят коннотативные семы, в результате чего изменяется и общее значение рассматриваемых сочетаний (действие → состояние).

Категория лица позволяет назвать деятеля действия или того, кто переживает определенное состояние, причем упоминание самого деятеля не является необходимым, поскольку может акцентироваться лишь с помощью окончаний. Сравним:

*Не то чтобы все те, кто был чуть краше обезьяны, станут андрогинами, но наверняка же как-то **вольются в тренды*** (СБ, 17.05.2019).

Вбиваем поисковый запрос... (СБ, 09.02.2019).

Если в первом случае субъект действия назван и форма глагола (3-е лицо, множественное число) согласуется с ним, то во втором случае субъект может быть определен по окончанию глагола (форма 1-го лица множественного числа). Отсутствие в предложении указания на деятеля не затрудняет понимания значения фраземы.

Большинство неофразем из нашей картотеки имеет все личные формы, однако есть и те, которые в силу специфики своих компонентов или общего значения не употребляются в некоторых формах.

Так, неофраземы английского происхождения *фиксить баги* (*fix the bugs*), *серфить в Интернете* (*surf the net*) содержат глаголы-варваризмы, употребление которых в форме 1-го лица единственного числа вряд ли приемлемо в литературном русском языке. Неофразема *идти через лунку жизни* также не используется в данной форме, что обусловлено ее семантикой. Сам говорящий не может выполнить это действие, наиболее типичный субъект в данном случае – существительное в форме 3-го лица:

*...однако это рыночное отношение и этот новый формат не **идет через «лунку» жизни*** (СБ, 02.12.2018).

Категория вида характерна для всех неофразем независимо от их формы. Видовое значение описывает развитие действия во времени как ограниченное или не ограниченное каким-то пределом, причем принадлежит не одному глаголу, а всей фраземе как единому целому. Следует учитывать, что «видовое формообразование фразем регулируется не столько видовой парадигмой грамматически стержневого глагольного компонента, сколько

характером фразеологического значения, так как вид вообще, будучи обще- глагольной категорией, тесно связан с семантикой» [8, с. 135]. Поэтому часто встречаются случаи, когда глагол, употребляясь отдельно, обладает способностью к образованию видовых пар, однако в составе фраземы является одновидовым. Так, неофраземы *вести блог, видеть края, есть кактус* имеют форму только несовершенного вида и обозначают процесс, не имеющий временного предела, однако попытки образовать совершенную форму неизбежно приводят к распаду фразеологического значения и образованию свободных словосочетаний.

В ходе анализа собранного материала было выявлено, что 56 % неофразем образуют видовые пары:

В этой ситуации у болельщиков, конечно, возникает законное и понятное желание «проголосовать ногами и глазами»... (СБ, 26.10.2018).

Традиции соединились с новаторством, и зритель «голосует ногами», выбирая, что смотреть (СБ, 11.12.2018).

Для образования видовых пар используются следующие способы:

1) префиксальный – *ставить/поставить на рельсы, рвать/порвать атмосферу, крутить/прокрутить ленту;*

2) суффиксальный – *ослаблять/ослабить возжси, открыть/открывать личико, отправить/отправлять в бан;*

3) супплетивный – *ловить/поймать хайп, уйти/уходить в поля.*

Одинаковое количество неофразем (по 22 %) являются одновидовыми, т.е. не образуют пар, употребляясь в форме только одного вида.

Все неофраземы, которые используются только в форме несовершенного вида, обозначают процессы или состояния, не имеющие точного временного периода действия: *бить в рельс, бить по хвостам, гонять пустые бочки, носить диван на плечах, держать ногу в дверях* и др.

Неофраземы, имеющие только форму совершенного вида, напротив, обычно указывают на начало или конец, результат действия, на его единичность и акцентируют изменения в описываемой ситуации.

Категория времени тесно взаимосвязана с категорией вида. Глагольные компоненты несовершенного вида могут употребляться в настоящем, прошедшем и будущем времени, тогда как компоненты совершенного вида имеют формы только двух времен – прошедшего и будущего.

А все события и решения последних лет в сфере школьного образования – это «вопросы мнимой важности... общественность гоняет пустые бочки»? (СБ, 22.01.2018) (настоящее время);

До 17 лет я жил обычной спокойной жизнью в Слониме, а потом переключил рубильник (ОБ, 20.04.2019) (прошедшее время);

Затем все попробуют и поставят «лайки» (СБ, 08.09.2016) (будущее время).

Возможность употребления временных форм зависит не только от вида глагола, но и от «способности значительной части фразеологизмов передавать значение качественной характеристики лица или предмета. С усиле-

нием оценочного значения ослабляется значение вида и времени, без которых немислимо понятие глагольности» [9, с. 40]. Так, неофраземы *есть кактус, затереть пятно на ковре, тушить пожар бензином* имеют выраженное оценочное значение, характеризуются образностью и экспрессивностью. Эти свойства оказывают влияние на временную парадигму данных неофразем: глагольные компоненты несовершенного вида в них не имеют форм будущего и прошедшего времени. А в настоящем времени эти образные выражения не столько описывают действия в широком смысле, сколько дают им характеристику и передают их оценку говорящим.

Категория наклонения описывает, как действие соотносится с действительностью. Оно может быть реальным (изъявительное наклонение), желательным, возможным (условное наклонение), побуждать к чему-либо (повелительное наклонение).

Преимущественное большинство рассматриваемых нами неофразем употреблены в форме изъявительного наклонения в настоящем, прошедшем и будущем времени. Была выявлена одна неофразама в повелительном наклонении (*Выпусти своего волка*). «В целом, возможности использования формы повелительного наклонения очень ограничены, и это объясняется прежде всего тем, что большинство глагольных фразеологизмов качественно характеризует во временных формах лицо или предмет, а повелительное наклонение не имеет форм времени и несовместимо с качественной характеристикой» [6, с. 125]. Форм условного наклонения обнаружено не было.

Теоретически, семантика основной массы неофразем допускает использование их в любом наклонении (*Не сиди в соцсетях! Отправь его в бан! Я бы почистил историю, если бы умел*), однако, как показывает материал исследования, формы условного и повелительного наклонений не являются широко востребованными. Данные факты свидетельствуют о том, что целью образования новых фразеологических единиц и их дальнейшей фразеологизации является отражение объективно существующей реальности.

С точки зрения структурной организации все глагольные неофраземы подразделяются на 3 неравнозначные группы:

- 1) глагол + существительное;
- 2) глагол + предлог + существительное;
- 3) глагол + наречие.

Первая группа является наиболее многочисленной (54 % от общего числа неофразем). В ее составе преобладают неофраземы типа «глагол + существительное в винительном падеже» (96 %): *срывать стоп-кран, срубить профит, крутить ленту*, т.е. сочетания с переходным глаголом.

Ко второй группе (44 % от общего числа неофразем) относятся как непереходные (*выходить из тике, сёрфить в Интернете, попасть под волну*), так и косвенно-переходные глаголы, дополнение при которых может употребляться с предлогом: *бить по хвостам, бить в рельс, удалять из друзей*.

Если компоненты неофразем первых двух групп связаны с помощью глагольного управления, то в третьей группе используется другой вид подчинительной связи – примыкание. Данный способ образования фразеологических сочетаний не является продуктивным, лишь 2 % от общего числа неофразем образованы с его помощью.

Во всех рассматриваемых неофразах глагол употребляется препозитивно, с остальными компонентами в постпозиции.

Структура простого словосочетания с двумя знаменательными словами-компонентами является преобладающей (79 % неофразем).

В результате анализа новых ФЕ из авторской картотеки было выявлено, что неофраземы, соотносимые с глаголом, являются второй по численности группой после субстантивных неофразем. Это объясняется бурным ростом технологий и необходимостью, в первую очередь, экспрессивно-оценочного названия новых явлений действительности, поэтому наименование действий отходит на второй план. Давая общую характеристику глагольных неофразем на основе полученных результатов, можно описать их наиболее распространенный тип. С точки зрения структуры, это сочетание «глагол + (предлог) + существительное», образованное на основе глагольного управления, где глагол является переходным, а существительное употребляется в винительном падеже. В плане формообразования это ФЕ с полной парадигмой, образующие видовые пары, употребляющиеся во всех временах, преимущественно в изъявительном наклонении. Неполная парадигма некоторой части неофразем обусловлена их семантическими особенностями, в частности ролью оценочного компонента значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шанский, Н. М.* Фразеология современного русского языка: учеб. пособие / Н. М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
2. *Жуков, В. П.* Русская фразеология: учеб. пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 2006. – 408 с.
3. *Эмирова, А. М.* Избранные научные работы / А. М. Эмирова. – Симферополь: КРП Издательство «Крымчупедгиз», 2008. – 366 с.
4. *Жуков, В. П.* Формоизменение фразеологизмов русского языка [Электронный ресурс] / В. П. Жуков. – Режим доступа : <https://mirznani.com/a/269676-2/formoizmenenie-frazeologizmov-russkogo-yazyka-2>. – Дата доступа : 23.11.2019.
5. *Туаева, Л. А.* Анализ глагольных фразеологических единиц русского, английского и осетинского языков в структурно-грамматическом аспекте [Электронный ресурс] / Л. А. Туаева, Ф. А. Абаева // Nauka-rastudent.ru: электрон. науч.-практ. журнал. – Режим доступа : <http://nauka-rastudent.ru/23/3009>. – Дата доступа : 02.12. 2019.
6. *Лепешаў, І. Я.* Фразеалогія сучаснай беларускай мовы: вучэб. дапам. для філал. фак. ВДУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

7. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

8. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

9. Современный русский язык: практ. пособие / Е. В. Бегаева [и др.]. – М. : Экзамен, 2005. – 228 с.

The article discusses verbal neophrasemes in terms of their lexical-grammatical and structural peculiarities. It is shown that most neophrasemes have a full grammatical paradigm and the realization of categories of tense, aspect, mood, person is dependent on their semantic properties. The research findings identify the most widespread structural type of verbal neophrasemes, which is a combination of a transitive verb and a noun in the accusative case.

Поступила в редакцию 22.01.2020

О. Н. Жизневская

ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ОТЦА В СМИ БЕЛАРУСИ

В статье анализируются структурно-грамматические (словообразовательные возможности, сочетаемость) и семантические (явления смыслового сближения и противопоставления) особенности номинаций, репрезентирующих стереотип отца в средствах массовой информации Беларуси. Выявляются новые (относительно традиционных, кодифицированных в языке) характеристики в профиле стереотипа, а также экстралингвистические факторы, влияющие на его обновление.

Преобразования, которые произошли и продолжают происходить в белорусском обществе, привели к переосмыслению отцовства и роли отца в жизни семьи и ребенка, что находит отражение в первую очередь в СМИ. Перераспределение традиционных семейных ролей, развитие вспомогательных репродуктивных технологий, появление института замещающей семьи – эти и другие факторы оказали существенное влияние на изменения традиционного стереотипа отца.

Уточним, что под стереотипом (языковым стереотипом), вслед за польским лингвистом Е. Бартминьским, мы понимаем представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, действует, как воспринимается человеком. Это представление воплощается личностью в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире. Языковой стереотип и языковая картина мира соотносятся как часть и целое [1]. Так, профиль (образ, портрет) традиционного стереотипа отца в белорусской языковой картине мира, реконструированный на основе лексикографических данных (этимология слова; словарные дефиниции; словообразовательные и семантические дериваты и метафоры; фразеологизмы; пословицы;